

Гаврилов Александр Олегович

ассистент, аспирант

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный

университет им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. НА ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНУЮ ОБРЯДНОСТЬ ЧУВАШЕЙ

Аннотация: рассмотрены социально-экономические преобразования в религиозной обрядности чувашей во второй половине XIX в., социокультурные процессы в стране, христианское просвещение народов, введение просветительской системы Н.И. Ильминского, изменения в традиционном мировоззрении чувашского крестьянства, влияния христианского просвещения на религиозные верования чувашей, деформация погребально-поминальных обрядов чуваш.

Ключевые слова: чуваш, религиозная обрядность, православие, буржуазные реформы, христианское просвещение, мировоззрение, похоронно-поминальные обряды.

Во второй половине XIX в. буржуазные реформы существенно повлияли на социально-экономическое и культурное развитие многонационального российского общества. В данной работе мы намерены проанализировать изменения в религиозных верованиях, традиционном укладе жизни чувашского крестьянства.

Реформы в области образования, национальной и религиозной политики заметно оживили дело народного просвещения. В пореформенный период под воздействием миссионерско-просветительских мер, основанных на идеях Н.И. Ильминского, в духовной культуре чувашей наблюдалась трансформация традиционного уклада [1, с. 292–303].

Основная масса чувашей была крещена в XVIII в., но большая часть новокрещеных к середине XIX в. сохраняли верность верованиям предков. Попытки утвердить в их среде православно-христианскую религиозность преимущественно административными мерами особых успехов не имели. Тем не менее, постепенно в традиционные обряды проникали элементы христианского верования, что отмечено в научной литературе как «двоеверие» [1, с. 350–351]. Таким образом, чувашаи в процессе христианизации постепенно перенимали элементы православия, внедряя их в свои религиозные традиции. В качестве примера можно отметить, что среди чувашей становится распространённым использование свечей в религиозной обрядности и использование икон [5].

Чувашская паства в середине XIX в. была индифферентна к церковному обучению. Например, Н.И. Золотницкий в своём отчете за 1868 г. отмечал, что несмотря на распространение образования среди чувашского населения, запрос на «Закон Божий» оставался невысоким [5, с. 257–258]. В пореформенный период правительство и церковь стремились превратить новокрещеных в истинных православных христиан. В поисках эффективных миссионерских средств, светская и церковная администрации обратили внимание на просветительские идеи И.Н. Ильминского, основанные на широком использовании родного языка в христианском просвещении новокрещеных. Подготовка учителей и священников из народной среды, успехи в школьном деле и издании книг, понятное богослужение и т. д. укрепляли чувашей в православии. Следует заметить, что во второй половине XIX в. языческие обряды и праздники стали постепенно вытесняться или трансформировались под воздействием христианского верования и церковных правил [8, с. 183–184].

Во второй половине XIX в. среди чувашей, меняется отношение к служителям народных верований и православным священнослужителям. По мере усиления христианства в чувашской деревне чаще наблюдались примеры смешения традиционной языческой и христианской обрядностей. Как пример, праздник *сурхури* (букв. баранья нога) стал накладываться на христианский

праздник Рождество, *мӑн кун* (букв. великий день) – с праздником Пасхи, *сӑмӑк* – с Троицей и т. п. [2, с. 98].

Активное влияние внешних социокультурных факторов на чувашских крестьян вызывало изменения в сознании народа. К примеру, в результате смешения языческих и христианских традиций возникали новые формы обрядности. В некоторых случаях языческие религиозные обряды и традиции могли сочетаться с христианскими, что создавало новые уникальные формы религиозной обрядности, которые отражали культурную идентичность чувашей и их стремление сохранить традиции в условиях внешнего религиозного воздействия. Большую роль в данном контексте играет влияние чувашских крестьянских общин, которые могли выступать, как консерваторами традиционных обрядностей, так и наоборот попасть под активное внешнее воздействие местных церковных представителей.

Языческие традиции чувашского народа в ряде бытовых ситуаций сохраняли своё влияние на протяжении нескольких десятилетий. Так, чувашаи ряда населенных пунктов были привержены традиционным обрядам, связанным с земледелием, плодородием и почитанием предков. Это выражалось в проведении различных ритуалов, связанных с посевами, уборкой урожая и другими важными событиями в жизни местной чувашской крестьянской общины.

А.Ф. Риттих отмечал в своих исследованиях сочетание, а также «смешение» языческой и христианской обрядности в чувашской культуре [8, с. 92]. По мнению, П.В. Денисова, с XVIII по XIX вв. несмотря на христианизацию чувашей, в их религиозной обрядности оставалось немало языческих культурных и религиозных особенностей [2, с. 99].

Стоит также отметить, что представления чувашей о загробном мире менялись в связи с активным проникновением новых культурных кодов в мировоззрение чувашского народа во второй половине XIX в. Само же мировоззрение о загробном мире в языческой чувашской культуре тесно переплеталось с образом смерти. Воплощением образа смерти выступал *Эсрель* или *Чунилли*. Е.А. Ягафова в своей работе отмечает тот факт, что вплоть до XIX в. среди чу-

вашей были распространены жертвоприношения духу *Эсрелю* [9, с. 126]. В работе Ф. Никифорова можно увидеть сведения о том, что у чувашей, проживающих в Бугурусланском уезде Самарской губернии вплоть до конца XIX в. сохранялись языческие традиции в погребально-поминальной обрядности [6].

Среди чувашей сохранялись ритуал омовения души, практика очищения тела перед погребением. Ряд погребальных ритуалов среди чувашских крестьян содержал, как традиционный, так и христианский характер.

Под влиянием внешних социокультурных факторов в обрядности и традициях чувашского народа стали распространяться поминки схожие с христианскими. В своих исследованиях В.К. Магницкий упоминает такое важное событие в культуре чувашских крестьян, как *сурта кунё* (букв. день свечи). Данное событие как правило выпадало на дни празднования Пасхи. Однако, по традиции чувашские крестьяне в этот день «приглашали» мертвых родственников, которые «из могил выпускаются на волю». Во время проведения обрядов *сурта кунё* в основном занимались разжиганием костров в своем селении. Считалось, что благодаря этим кострам души мертвых могли согреться [3].

Таким образом, во второй половине XIX в. в следствие социально-экономических преобразований и успехов в практике христианского просвещения в погребально-поминальной обрядности чувашей происходило смешение православных и народных традиций.

Список литературы

1. Васильев М.Г. Чувашские поминки / М.Г. Васильев // Известия по Казанской епархии. – 1904. – №15. Часть неофиц. – С. 464–475.
2. Денисов П.В. Религиозные верования чуваш / П.В. Денисов. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1956. – С. 408.
3. Иванов Н. Из языческого религиозного культа чуваш деревни Ходяковой Ядринского уезда // Известия по Казанской епархии. – 1905. – №34. Часть неофиц. – С. 1031–1037.
4. Лепешкина Л.Ю. Похоронно-поминальный обряд как отражение этниче-

ской самобытности чувашей (XIX в.) / Л.Ю. Лепешкина // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2011. – С. 256–263.

5. Магницкий В.К. Материалы к объяснению старой чувашской веры / В.К. Магницкий. – Казань, 1881. – С. 268.

6. Никифоров Ф. Стюхинские чувашаи / Ф. Никифоров. – Казань: Типо-лит Имп. ун-та, 1905. – 26 с.

7. Рекеев А.В. Из чувашских преданий и верований / А.В. Рекеев. – Казань, 1898. – 48 с.

8. Таймасов Л.А. Церковноприходские школы в системе народного образования дореволюционной Чувашии / Л.А. Таймасов // Вопросы истории народов Поволжья и Приуралья. – Чебоксары, 1997. – С. 182–189. – EDN KNAUNQ

9. Ягафова Е.А. Календарные обрядовые традиции самаролукских чувашей / Е.А. Ягафова // Чувашаи Самарской Луки: монографическое исследование. – Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2003. – 160 с.